

© 2010 г. Н.В. Бобылева

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА МУЗЫКИ

Рассматривается вопрос возникновения музыкального чувства, которое совпадает с генезисом речи по времени возникновения и обуславливает ее. Строение органов речи, физическая природа акустики и специфика слухового аппарата определяют интонационные и смысловые паттерны речи, так же как и паттерны создания и восприятия музыкальных произведений. Объективность физической природы звука и физиологии их извлечения и восприятия человеком сочетаются с субъективностью психологических паттернов.

Ключевые слова: физическая природа звука, обертоновый звукоярд, паттерны музыкального чувства.

Все существующие точки зрения о происхождении членораздельной речи Homo sapiens sapiens построены на неоспоримом факте ее представления в виде способа коммуникации, в процессе которой происходит передача информации между субъектами общения. Однако при этом не учитывается существенный момент. В звуковой коммуникации используются акустические свойства среды, в измененной форме которой кодируется передаваемая информация. Субъект, передающий информацию, в качестве инструмента речи использует свой голосовой аппарат, так же как воспринимающий сообщение осуществляет это посредством своего слуха. Тем самым членораздельная речь возможна при трех условиях: специфика строения голосового аппарата, приспособленного к воздушной среде, в которой распространяются определенным образом модифицированные звуки; акустических свойств воздушной среды, передающей воплощенную в звуковых комплексах информацию; специфика слуха, извлекающего информацию из измененной формы воздушной среды. Среди существующих концепций происхождения языка особой распространенностью отличается трудовая версия. В соответствии с ней язык

как средство общения, средство передачи информации появляется в процессе усложнения производственной деятельности, требующей передачи опыта и распределения трудовых функций, для управления самим процессом производства и организации/самоорганизации коллективной трудовой деятельности [1, с. 195-197]. При кажущейся логичности данной концепции она все же не выдерживает критики. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что и в шелльское и в ашельское время *Homo habilis* и питекантропы изготавливали орудия труда и осуществляли совместную трудовую деятельность. Однако речи, тем более членораздельной, не имели. Для ее существования необходимо особое строение гортани, которое морфологически связано с наличием подбородочного выступа и v-образного хрящика, к которому крепятся мышцы языка. Следовательно, наличие подбородочного выступа является неоспоримым свидетельством пользования членораздельной речью, а он прослеживается только на черепках *Homo sapiens sapiens*.

По-другому понимается посттрудовая концепция происхождения речи. С эпохи мустье (в основном – верхний палеолит и мезолит), помимо давно известного каменного рубила, из отщепов пластин, изящно обработанных ретушью, изготавливаются резцы и скребки, дополняемые костяными проколками. Это свидетельствует об общественном разделении труда по половому признаку. Наступившее похолодание вызвало необходимость производства одежды из шкур животных, что потребовало их специфической обработки: разрезания, очистки от мездры, дубления, осуществлявшегося с использованием естественной кислотно-щелочной среды ротовой полости. Этим разделением труда объясняется сточенность зубов в черепках женских скелетов. Разделение труда обуславливает возникновение временной информационной лакуны между разведчиками-следопытами и остальной частью общины, охотниками, ушедшими со стойбища, и оставшимися на стоянке. Данный информационный разрыв требует ликвидации для сохранения целостности родового коллектива. Тем самым, возникновение речи относится к посттрудовому общению, а не к собственно трудовым операциям [2, с. 82-87]. В условиях отсутствия языка восполнение названной информационной лакуны объективно возможно лишь посредством создания образа ситуации уже не существующей, в которой непосвященные не присутствовали. Создание данного образа возможно лишь в том случае, если индивиды сообщества обладают, с одной стороны, развитой эмпатией, а с дру-

гой стороны, – суггестией [3, с. 416-442], которые подкрепляются и усиливаются знаками, в том числе и возникающей второй сигнальной системы, или, иначе говоря, обладают способностью мыслить отсутствующей ситуацией. Такая способность дает возможность по совокупности условных символов ситуации (поз, жестов, мимики, эмоциональных выкриков) представить ее в достаточно полном объеме. Но при этом требуется закрепление за ситуациями определенных знаков, которые, выступая ее «темой», задают ее образ, воспроизводимый в менталике индивидов сообщества. В то же время изображаемое суггестором в своей конкретике выступает «ремой» представляемой ситуации [4, с. 48-64]. Такая совокупность знаков должна обладать безусловным единством. Выражение ментальных образов в знаковой системе (во внешней речи) означает их объективацию, а во внутренней речи – подчинение выражения мысли логике поведенческих форм. Следовательно, язык как знаковая система помимо общепризнанных функций (коммуникации, регуляции и программирования) выполняет еще и функцию синхронизации ментальных процессов индивидов вследствие упорядочивания и структурирования представляемых образов [5, с. 180-182]. Тем самым оказывается, что специфические знаки первоначально в виде односложных выкриков закрепляются за определенными действиями. Но это же означает, что речь и искусство в данном аспекте – в «театральном действе» – феномены однопорядковые, и возникновение их одновременно.

Естественно, даже при соответствующем строении органов речи, на ранних этапах ее становления звуки не могли иметь четкой артикуляции. В особенности это относится к согласным звукам, дифференциация которых – очень длительный процесс. В современных языках гласные в значительной мере выступают в связующей роли, а большая часть информационной нагрузки приходится на согласные звуки. В древности, надо полагать, было наоборот, поскольку гласные легче поддаются четкому произношению благодаря различной длительности звучания, а согласные выполняли разделяющую функцию. Недифференцированность звуков в праязыке делала необходимым их информационное насыщение в зависимости от длительности звучания, заставляло обязательно между двумя согласными звуками вставлять гласный, каким бы кратким или долгим он бы ни был, а это придавало языку характер речепения. Кстати, логопедическое лечение косноязычия, в том числе заикания, и сегодня осуществляется пропеванием звуков,